

ПОЛОСА НЕВЕЗЕНИЯ

пахнет весной

ОКСАНА АЛЕКСЕЕВА
ЕГОР СЕРЕБРЯНСКИЙ

Полоса везения

Оксана Алексеева

Полоса невезения пахнет весной

«Автор»

2022

Алексеева О.

Полоса невезения пахнет весной / О. Алексеева — «Автор»,
2022 — (Полоса везения)

Попытка вытравить из себя злые силы успехом не увенчалась и привела к еще более странным последствиям. Но Вера, Николай и Женька – уже не закомплексованные ботаники, да и команду они расширили новыми друзьями. Означает ли это, что их ждут проблемы помасштабнее?

Содержание

Глава 1. Гранатометная грусть	5
Глава 2. Оторванная эмблема	9
Глава 3. Натянуть прогноз на глобус	16
Глава 4. На дне	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Оксана Алексеева, Егор Серебрянский

Полоса невезения пахнет весной

Глава 1. Гранатометная грусть

Есть такие события, которые людей накрепко объединяют. А есть другие – которые разводят их в разные стороны. Пятерым студентам разных курсов престижного энергетического института довелось пережить и первое, и второе. Сначала они слиплись в единую супергеройскую команду, но главный провал в их намерениях привел к обратному эффекту – и не то чтобы они друг друга возненавидели, ничего такого, просто теперь недавняя дружба не ладилась. Инициатором расставания стал Базука, в факультетной ведомости записанный как «Захар Бойков». Он больше не мог этого выносить – или просто из всех оказался единственным, кто привык выражаться прямо и откровенно.

– Да знаю я, что козел! Услышал, усвоил, записал на жесткий диск! – он уже в который раз замахнулся на Женьку, но смог сдержаться. – Пшёл уже вон, чтоб глаза мои тебя не видели!

Евгений Лапоненко, обычно самый уравновешенный и миролюбивый, как будто прорвал в голове какую-то плотину и теперь всякий раз при встрече бежал к Захару в желании немедленно сообщить все, что накопилось за полтора года знакомства. К сожалению, Базука вытянул у судьбы самую несчастливую карту: теперь все без исключения заваливали его никому не нужной правдой.

– Я бы пшёл. – Женька занудно продолжил. – Но очень беспокоюсь за сохранность Вселенной. Ведь теперь злой дух сидит в тебе, этот факт нельзя убрать из анализа! А ты и раньше был скотиной, каких поискать... мы теперь о твоих продуктах жизнедеятельности будем из криминальных сводок узнавать?

– Да понял я тебя, понял! – огрызнулся Бойков и поспешил удалиться.

Но в спину все равно расслышал отчетливое:

– Козел!

Захар махнул рукой, не замедлив шага. Вообще-то, он Женьку уважал, но выносить его теперь было можно только в присутствии Андрея Короленко – причесанного и аккуратненького пижона, который получил силу сдерживать способности всех остальных. Но Андрей, к сожалению, был часто занят сбором подножного корма. Не в прямом смысле, а на своей подработке. Его Базука раньше очень недолюбливал, но сейчас не отказался бы ходить с давним неприятелем под ручку хоть постоянно. А иначе...

Иначе все сообщество самых обыкновенных людей сговорилось, чтобы свести его с ума. Вчера в ресторане, где он решил отдохнуть и вспомнить, что он сын очень богатого человека, официант принялся ему вещать о своих племяшках. Он с таким упоением описывал их «маленькие пальчики» и «розовые щечки», что от самой исповеди за версту несло каким-то извращением. Базука ресторан покинул, поскольку аппетит на неделю вперед пропал.

Зато как раз на выходе повезло: он издали увидел знакомую девушку. Не просто какую-то там знакомую, а самую настоящую бывшую, в постели с которой провел замечательную неделю прошлым летом. Потом они по взаимному согласию разбежались наслаждаться молодостью и красотой дальше, но совместно проведенное время Базуке вспоминалось с теплотой. Эта неожиданная встреча виделась реальным способом отвлечься, хоть немного эмоционально передохнуть от событий последних дней. И Лица его узнала еще на подходе, развернулась на высоких каблуках.

Захар не стал отвешивать комплименты ее внешнему виду, а сразу перешел к делу, то есть предложил посидеть где-нибудь вместе, но кратковременной бывшей приспичило поболтать:

– О, Захар, давно не виделись! Ты как? Да плевать мне, как ты! Кстати говоря, ты мне вообще никогда не нравился. Просто тогда подумала: «Богатый мажорчик, почему бы и не да, пока муж в командировке?»

– Ты была замужем? – это Базуку чрезвычайно удивило, поскольку в те дни такой вопрос как-то даже в голову не пришел.

– Ну, должен же у меня быть хоть один недостаток, – она легкомысленно пожала плечами. – Я на твою машину посмотрела и сразу подумала – с такого за неделю подарков натрясу на год вперед. А на тебя где залезешь – там и слезешь! Но ты хотя бы не противный. Вот после тебя был – до сих пор содрогаюсь. Зато содрогаюсь с дорогими сережками... Блин, зачем я тебе это все говорю?

Вопрос ответа не нашел. Потому Лика смутилась и без лишних прощаний побежала к такси. Захар же торчал на месте, раздавленный откровениями. Он всегда поддерживал имидж бабника, так в институте все и считали, но на самом деле таковым никогда не являлся. Да, у него накопилось несколько коротких романов, но он-то был уверен, что все они протекали по взаимной симпатии! Когда два одиноких сердца находят друг друга в ночном клубе и на целых пару дней погружаются в полную весну, даже если за окном другой сезон? Пусть те связи были несерьезными, пусть основанными только на страсти, но не на страсти же к подаркам! Он даже ее намеков не улавливал – но Базука никогда и не отличался особой чувствительностью и пониманием человеческих душ. Откуда ему вообще пришло бы в голову, что в прекрасной Лике не возникло даже капли взаимной симпатии?

Либи́до пробило асфальт. Да-а уж, зато теперь ему нарваться на такую же точно не грозит – любая вывалит все свои симпатии, пристрастия и меркантильные планы. Можно было бы порадоваться, но почему-то даже ногами передвигать становилось все сложнее.

Он думал о Вере – об их прежних великолепных отношениях, когда они то ругались, то целовались. Но сейчас Вера его пугала. Последний разговор на складе вообще выбил из колеи.

– Какой же ты красавчик, Захар... – протянула она, когда ее друзья отошли на улицу по своим важным делам. Или по маленькой нужде. – Я смотрю на тебя – и сердце замирает. А разум орет, что с тобой нельзя связываться, даже если ты окажешься последним парнем на земле. Понятия не имею, что с этим мозговым разладом делать. Но все жду, когда ты снова поцелуешь.

Базука вздохнул и скосил на нее взгляд:

– Вера, эта способность не всесильна, ее можно контролировать, ты же знаешь. Иначе мы с Андреем и Ником тебя раньше растащили бы на куски. Но, вижу, ты тут, не кусками.

– Знаю, что можно, – она поморщилась. – Но нужно время привыкнуть. Вы ведь тоже не сразу тогда научились брать себя в руки. Думаешь, мне не противно, что я тебе в самом сокровенном признаюсь? Да я по вечерам потом в комнате ору на стену и преодолеваю тошноту, накатывающую от стыда. Какой же ты красавчик, Захар...

Ему не нужна была ее влюбленность, вообще никаким боком никогда не требовалась. Он не считал Веру слишком красивой или очаровательной, но включил в список своих товарищей, которым в рожу не плюют. Они же ведь и целовались просто так, из вредности или кому-нибудь назло. Никаких чувств не предполагалось. Да и вел он с ней себя так, чтобы уж точно лишнего не зародилось. Но сейчас он видел именно влюбленность – Вера не научилась пока прикусывать язык и не успела ее скрыть. А верные боевые товарищи не испытывают друг к другу такой симпатии, это противозаконно!

Захар начал злиться на Веру – за ее же слабость:

– Лучше бы ты у меня дорогие сережки потребовала!

– Чего?..

– Ничего! Ты спятила, шахматистка. Какой я тебе красавчик? У меня нос в двух местах сломан – приглядиись!

– Правда? – она будто изумилась. – Не замечала. Теперь понятно, это даже придает тебе некоторой эксклюзивности...

– Заткнись, Вер, ты даже выражаешься так, что весной пахнуть перестает, зато несет каким-то ботанизмом! Ты не в курсе, что я мудака? Так зови сюда Женьку – его как раз на эту тему не заткнешь.

– В курсе, конечно, – она окончательно поникла. – Не была бы я в курсе, сейчас не было бы так противно это чувствовать...

Злость перешла в легкую жалость. Он знал, что она не виновата. Как и знал, что она ни за что бы в подобном не призналась, если бы был такой выбор. К счастью, подоспели ее приятели – и Вера сразу переключилась на Николая:

– Какая у тебя задница, Ник, загляденье! Да ёшкин ты кот, когда уже Андрей приедет? Я реально задолбалась от ваших способностей!

От всей этой судьбоносной кутерьмы выиграл только Николай Бабушкин – он получил именно то, о чем всегда мечтал. Видимо, в шаманских танцах старался больше других. Теперь он вызывал вожделение во всех молодых представительницах прекрасного пола и, по слухам, некоторых особо стильных представителей непрекрасного. В их желании не было никакой основы – они просто хотели до безумия заполучить его внимание и во всем угодить. И отпустило сразу же, как только Ник отходил на достаточное расстояние. Но гаденыш, конечно, успевал реализовать на них все свои застарелые комплексы.

Захар бы за него порадовался, если бы Ник еще до получения дара не назначил его своим личным гуру. И теперь не собирался с этого пьедестала низвергать:

– Какие брать, Базука? Ребристые или с запахом клубники? Я завтра пойду на первокурсниц гляну.

– Ты же в курсе, что подобное – это фактически изнасилование? – напомнил ему Женька уже в который раз. – Ведь девушки на самом деле не хотят с тобой секса и понимают это сразу, как только ты уходишь.

– Да хватит тебе гундеть, – обиделся рыжий на правду. – Я же только с Надеей встретился, которая когда-то меня почти насильно девственности лишала и потом прилюдно опозорила... а, ну с Аней еще, которая сама у себя телефон сперла, но она тоже немного заслужила...

– Ты свою способность как месть используешь? – покачал головой Женька. – Очень достойно. Годится для отдельного выпуска комиксов.

– Да нет же, – Ник расстроено отбивался от обвинений. – Но опыта набираться надо, личную жизнь там налаживать... А как я теперь смогу понять, кому я нравлюсь на самом деле, если я нравлюсь всем девушкам младше тридцати?

– Во-во, почувствуй себя в моей шкуре, – немного злорадно добавила Вера. – Но если что – я согласна. Только свистни. Если с Захаром вместе сможете свистнуть, то меня вообще от счастья порвет.

Она снова поддалась влиянию, причем сразу обоих. Но Ник подтянулся, глянул на нее строго и отрезал решительно:

– Ни за что, Вер. Я еще подумаю о моральности своего подхода, но ты – мой боевой товарищ. Таких не используют и не тащат в постель!

Базуку окончательно отрезвила его же формулировка, в точности повторенная другим человеком. Он встал с перекошенного стула и зашагал на выход из склада. На удивленные взгляды решил пояснить:

– Этот бедлам пора прекращать, пока мы окончательно не испортили то, что еще осталось от нашей дружбы. Прошу, не подходите ко мне без Антидота. Если случится что-то серьезное, то работать вместе сможем только в его присутствии. Да и не случится ничего, если сами проблем на жопы искать не будем.

Он сам от себя такой сердечной деликатности не ожидал. Особенно удивлялся своим изменениям, когда через двадцать минут слышал свой голос, говорящий в гарнитуру смартфона:

– Какого хрена тебя постоянно где-то носит, Короленко?

– Соскучился, придурок? – ответил Андрей язвительно.

– Закатай язык обратно в горло. Слушай, я тут подумал – какого хрена ты снимаешь комнату у какой-то старухи, если у меня хата в центре? Плати мне. Деньги лишними не бывают.

– О-о... – Короленко усмехнулся. – Ты настолько соскучился, что предлагаешь нам жить вместе? А колечко подаришь? Или случилось у тебя что?

Последний вопрос прозвучал серьезнее, все-таки пижон не был бессердечным гадом и хорошо помнил, кто его задницу из болота первым бросился вытаскивать.

– Случилось, – признался Захар тихо. – Оказалось, что выжить в обстановке полной правды невозможно. Переезжай – и ври мне о чем угодно, пусть хоть уши отдохнут.

Андрей думал недолго:

– Ладно, после работы соберу вещи – и к тебе. Не грузись. Ник ведь с тем же даром несколько месяцев протянул. Ничего, справлялся и даже не расстраивался. Ты привыкнешь.

Сравнил тоже. У Николая исходные условия были совсем другими. Базука и прежде знал, что никуда не вписывается, что ни к одной социальной бочке не подходит затычкой, что его оппозиция всем одушевленным предметам чутко ощущается всеми вокруг. Но сейчас ему об этом крякнула каждая псина. Теперь и его – позже всей остальной компании – догнал кризис самоопределения.

Глава 2. Оторванная эмблема

Вера, хоть и жевала булочку, но умудрялась говорить непрерывно:

– Знаете, сон такой нудный – словами не описать! Как будто стучится ко мне в дверь здоровенный медведь, но он беззлобный, без какой-то там агрессии, словно вообще по ошибке стучится... Коричневый такой. То есть бурый, если уж мы говорим о медведях. Или вы подумали, что белый?

– Вер, – перебил ее Женька. – Ну вот зачем ты нам эту чушь пересказываешь? Это твоя новая суперспособность – замотать друзей неинтересными подробностями личной жизни? Мое терпение закончилось еще на моменте, когда ты свою зубную пасту описывала.

Девушке пришлось объясниться, ведь раздражать она никого не хотела:

– Нет, я просто поняла, что так мне проще всего переключить мысли. Заметили, что я с самого утра Ника ни разу не попыталась в каждую веснушку расцеловать?

– А, так ты для этого? – очнулся Ник, который уснул еще на зубной пасте. – Тогда продолжай, если помогает. Меня теперь каждая встречная пытается облобызать, тебя только в этой толпе не хватало. Двойное ощущение, я вам скажу: вроде и приятно, и уже надоедает. Потому давай, ищи любые способы справляться с влиянием. Что там тебе приснилось? Очень интересно!

– Да я уже забыла, – Вера отмахнулась. – Давайте тогда расскажу, как вчера доклад писала. Открываю я, значит, ноутбук, захожу в браузер, меняю его на другой браузер, в поисковой строке набираю...

Женька со стоном опустил голову на сложенные руки. Но не перебивал. Им всем было важно преодолеть этот кризис и научиться сосуществовать без ущерба. Базука уже отвалился – туда ему и дорога, но он своим примером показал, что полный разлад уже маячит перед носом. Осталось еще им разбежаться – и тогда полный конец всей дружбе. Сейчас они друг друга очень злили, но старались это ощущение игнорировать, все еще надеясь на удачное привыкание.

Он лениво скосил глаза в сторону и обрадовался, перебив Веру на полуслове:

– Вон Андрей с Захаром идут! Сейчас твой язык хоть немного передохнет. Ребят, давайте сюда! – последнюю фразу он выкрикнул.

– Ишь, какой вежливый, – похвалил Базука, присаживаясь и нагло двигая Николая по лавке. – Прямо другой человечище. Андрэ, возьмишь на меня обед? Хотя нет, стой! – он словно испугался. – Я сам. Не хочу оставаться с этими шизиками без тебя.

Короленко выглядел отчего-то задумчивым и сразу перешел к тому, что его тревожило:

– Сейчас редко видимся, ребят, надо обсудить важные вещи. Во-первых, от зла мы не избавились, оно просто сменило носителей. И потому рано или поздно мы незаметно для самих себя начнем курвиться. Только вы двое, – он по очереди посмотрел на Веру и Женьку, задержав взгляд на последнем, – остаетесь чистыми, на вас вся надежда. Жень, тебе быть главным, на твое мнение и будем ориентироваться.

Вера, которая в присутствии Андрея сразу освободилась от влияния и вздохнула свободно, возмутилась:

– Ау, нас тут двое теперь бездарных! Почему главным будет Женька, а не я? Никогда не думала, что ты такой сексист.

Андрей недоуменно оправдывался:

– При чем тут это? Просто именно он ведь раньше и руководил, еще в самом начале.

– Я раньше ими руководил! – Базука подошел к столику и поставил поднос с тарелками. – Даже когда они об этом не догадывались. Да, шахматисты? Кто был главным катализатором, признайтесь уже!

– Никто нами не руководил! – вставил свое мнение и Ник. – Женька нас постоянно пытался построить, но решали мы вопросы исключительно демократическим путем, то есть сообща!

Андрей переставил поближе блюдце с гречкой, взял вилку, но за трапезу приниматься не спешил. И после раздумий решительно возразил:

– В нашем случае никакой демократии. Нам нужен лидер, не запятанный духами. Можно этот вопрос сообща решить, но после – слушать его мнение в первую очередь. Итак, Вера или Женька?

– Женька, – выбрал Ник первым. – Он нас и раньше строил – привычно.

– Женька, – поддакнул Базука. – У Веры весеннее обострение, будем честны. А химик обычно в своем уме, даже на телок не залипает. Кстати, тюлень химический, а ты почему на телок не залипаешь? Это подозрительно!

Вере было немного обидно, хотя она в лидеры и не рвалась. И Андрей, заметив ее расстроенный вид, решил поддержать, хотя его голос уже не влиял на результат голосования:

– Я за Веру.

– Ага, – пробурчала она. – Особенно весомо звучит после твоего первого заявления. Молчал бы уж лучше...

Женька же принял должность, как заслуженную награду. Он подтянулся вверх, выпрямил спину и с жутко деловитым видом пафосно протянул:

– Спасибо за доверие, ребята. Я сделаю все возможное, чтобы его оправдать! Вы никогда не пожалеете, ведь я все равно давно собирался навести среди нас порядок. Распишу устав, обязанности, систему наказания...

Вера закатила глаза к потолку. Если бы не знала точно, что злой дух переместился из Женьки в Андрея, то сейчас бы решила, что вот таким тоном нормальные люди без внешнего воздействия говорить не могут. Но сейчас она вынуждена была прикусить язык, обвинить-то не в чем. К счастью, в их компании нашелся тот, кто язык прикусывать вообще не умеет:

– Да ну на фиг! – Захар скривился, прерывая инаугурационную речь. – Я передумал, пусть уж будет Вера. Иначе я нашего руководителя в ближайшую неделю зашибу за занудство.

– Да, скорее всего, – передумал и Николай, который все еще невольно подражал своему кумиру. – Вера ничуть не глупее, а Евгения Михайловича мы уже на всю оставшуюся жизнь наслушались.

Теперь Женька поник, а Вера выпрямила спину. Но вовремя одумалась и благодарственный пафос оставила внутри себя, а то и ее разжалуют. Лидером она быть не собиралась, но порадовалась новым задачам – ей в любом случае надо отвлекаться от магии и ненужной симпатии к местному хулиганю.

Андрей, закончив с этим вопросом, сразу перешел к следующему:

– Во-вторых, вы с самого начала наметили правильную траекторию: делать добрые дела, чтобы не успевать делать злые. Давайте забудем всё свое свободное время гуманизмом и чело-векоспасательством!

– Звучит правильно, – одобрила Вера, раз уж ей доверили роль принимать и отклонять все идеи. – Но разве у нас есть какое-то преступление, чтобы его немедленно раскрывать?

Преступлений ни у кого не нашлось – их днем с огнем не обнаружишь, когда они так нужны. Однако Короленко кое-что сумел припомнить, когда пауза затянулась:

– Я сегодня на кафедре слышал, что кто-то спер ответы к тестам. Студент какой-то у лаборанта со стола стянул. Я понимаю, что на героический подвиг такое дело не тянет, но хоть чем-то мозги зайдем.

Он и сам не был уверен, но остальные сразу же согласились с главным – на безрыбье и тесты рыба. Женька даже черные брови к переносице подтянул, чтобы подчеркнуть важность

любой задачи. Подтянул и уставился на Базуку, чтобы немедленно это страшное преступление раскрыть:

– Ты ответы к тестам спер? Признавайся!

Николай и Вера тоже сразу уставились на главного подозреваемого, но Захар только расмеялся:

– С ума сошли? За мной в институте держится абсолютный рекорд по количеству заваленных тестов. Стал бы я портить свою репутацию, вдруг начав учиться на отлично?

Женька оценил его внешний вид и повернулся к Нику, чтобы сообщить:

– Нет, это не он.

Николай передал Вере:

– Это не он, товарищ командир. Хотя обычно он, потому не гнобите за осечку.

– Я и сама не глухая, – вздохнула Вера. – Тогда давайте раскрывать. И перестанем раскрывать эту ерунду, если попадется какая-то реальная беда. Какие предложения? Снова ходить по всем группам и спрашивать в лоб, но на этот раз обход придется делать Захару?

Вот только Базуке, нынешнему вытягивателю правды, очень не хотелось позориться, как они делали раньше. И тесты его интересовали чуть меньше, чем цены на помладу. Потому он придумывал другие, менее противные, способы продвижения в деле:

– Мы пока не собрали никакой информации. Предлагаю после закрытия института залезть на обворованную кафедру и все там для начала осмотреть.

– Зачем? – удивился Короленко. – Улики вряд ли оставили, на кой баран нам в кабинет пробираться?

Захар не придумал ничего лучше, кроме как честно ответить:

– Просто я еще ни разу не забирался в институт ночью. Должно быть прикольно. Ой, да ладно вам! Какая разница, чем заниматься, пока мы занимаемся ничем? Так хоть поржем.

От него не успели отмахнуться, поскольку внезапно добавил мысли Женька:

– Вообще-то, смысл есть. Хотя бы посмотреть списки групп, которые пишут этот тест, перечень подозреваемых сразу сократится. Потом и обходить весь корпус не придется. А может, там ведомости есть – зафотаем, кто в тех группах отстающий и кому это могло быть выгодно.

Базука сразу воодушевился:

– Вот! Ну круто же, а! Это ж нам какую диверсию надо проверить – продумать, как стащить ключи на вахте, обмануть охрану, пробраться в универ и выбраться незамеченными. Скоро мы про каждого из нас узнаем, кто из какого мяса сделан.

Обеденный перерыв подходил к концу, а с ним и все дебаты. Парни один за одним вставали из-за стола, чтобы разойтись пока по своим аудиториям. А уж потом хором напячь извинины и решить целую череду сложнейших проблем. Вера немного задержалась, думая, какой же немислимой фигней они занимаются, но вздохнула и тоже пошла следом. Тесты так тесты, черт с ними.

Ни одно из восторженных ожиданий Базуки не сбылось. Приключение вообще не оказалось захватывающим или хоть сколь-нибудь азартным. Николай просто подошел к молодой лаборантке – и она сама, неловко преодолевая влюбленность, выдала ему дубликат ключей от кафедры. На самом деле и ведомости могла тут же предоставить, но тогда вышла бы полная скукота из всей затеи. В желании хоть немного разнообразить серые будни они все-таки решили зайти в кабинет именно тогда, когда их не ждут, то есть под покровом ночи.

В кафешке неподалеку дождались девяти вечера, то есть полного опустения университета, потом на цыпочках подкрались к воротам, которые на ночь пока не закрылись – усталые заочники еще редкими группами вытекали из здания, лишь сейчас расквитавшись с последней парой. Пока Захар с Николаем придумывали, как залезть в окно, ведущее в коридор, а

оттуда уже проползти по-пластунски на нужный третий этаж, Женька и Андрей просто вошли в институт, но были остановлены пожилым вахтером:

– Куда? Последний звонок прозвенел. Забыли чего?

Женька с Андреем не успели договориться, потому ответили одновременно разное:

– Конспекты потерял!

– Срочное заседание шахматного клуба!

Но вахтер их не слушал, просто отмахнулся и зачем-то объяснил охраннику, который их в лица так же прекрасно знал:

– Идите в свободную аудиторию, только вас уборщица уже минут через двадцать прогонит. Вы же наши звездочки, луч света в этом бездарном поколении.

Женька обернулся и помахал мнущейся в дверях Вере – мол, заходи, не проблема. Она позвала с улицы оставшихся. А вахтер продолжал двусмысленно восхищаться процессией:

– Молодцы какие, даже ночью готовы учиться. И Верочка здесь, добрый вечер. Ты бы уж выбрала среди них одного, а то постоянно в этой мужской толпе бродишь, в наше время такого не было. О, и Николай с вами, молодец какой, хотя вас друг без друга и не представишь. О...

На замыкающем он осекся, да и тон голоса изменился на пронзительно-строгий:

– Бойков, куда? Конспект забыл? Для начала надо представить, что у тебя вообще был хоть какой-нибудь конспект!

– Он с нами, – пришлось крикнуть Андрею, который уже собирался свернуть к лестнице.

– В шахматный клуб? – старик-вахтер подтвердил, что все-таки внимательно их слушал.

– Ну да, – заступился за неприятного товарища Женька. – Все еще надеемся на силы эволюции. Пока Захар из шахмат освоил только маты. Мы недолго, Виталий Миронович.

Вахтер уже разрешил, потому не стал брать слова обратно, хотя вслед и покривился. Но Базука забурчал сразу же, как они направились к пункту назначения:

– Лучше б я домашку сегодня сделал, чес-слово. И то больше радости. Такое веселье испоганили невозможной простотой – просто взяли ключ и просто зашли куда надо. Каково вам живется в вашем сером мирке без просвета задора?

– Нормально живется, не шуми, иначе еще уборщицам придется объяснять, зачем нам нужно зайти именно на кафедру, – попросил Женька.

Но тот продолжал сокрушаться:

– Да кто вообще сторожей по имени-отчеству знает?! Найдется во всем институте хотя бы еще один студент, кто держит в уме такую информацию?

Они уже подошли к нужной двери, Николай вынул из кармана ключ. Коридор пустовал спокойствием и радовал отсутствием лишних объяснений. Зашли внутрь быстро, включили свет и сразу же рассортировались по разным углам для беглого обыска. Но и здесь им не нашлось ни одной загвоздки для ума – и списки, и ведомости лежали аккуратной стопкой на столе лаборантки.

Пора было уходить, но именно в этот момент Николай зачем-то заглянул за дальний стол и заинтересовался сам у себя:

– Рюкзак чей-то... У кого-то из наших такой же.

Женька, стоявший к нему ближе, тоже посмотрел и тотчас узнал, хотя и не без изумления:

– У Захара такой. Базука, представляешь, кто-то из преподавов может себе позволить тот же бренд! А ты все кичишься, что у тебя папаша криминальный миллионер. Или твой рюкзак не слишком дорого стоит?

Теперь все подбежали и усталились на синюю сумку с тяжелым замком на кармане, которая лежала на полу, одним боком приставленная к преподавательскому столу. Раньше Базуки подошел Андрей, он и удивил всех еще сильнее:

– Бренд не запредельно дорогой, но это стол Василины Максимовны. Что-то сомневаюсь, что этот рюкзак сочетается с ее пенсне...

Базука раздвинул парней, но не закончил движение, а продолжил наклоняться, чтобы еще сильнее впасть в ступор. Остальные слышали только обрывки шальных перескоков:

– Не понял прикола... Так это мой и есть... Вон, эмблема немного оторвана... я Женьке поджопник им однажды выписал... помнишь, за ремень твой зацепилась... ты еще визжал смешно... в смысле, извини, друг, я теперь не тот, что был раньше, мне не выразить глубину раскаяния, и все такое. Но я рюкзак в машину закинул, когда мы в кафе пошли... Каким макаром он оказался тут?!

Он протянул руку, чтобы взять, но Вера вовремя вскрикнула и оттолкнула его:

– Не трогай! Смотрите, провода какие-то торчат!

Все синхронно отшатнулись и побледнели от одинаковой мысли. Но прошептать вопрос смог владелец вещи:

– Химик, надеюсь, ты еще и физик. Там совершенно случайно не может быть какой-нибудь самодельной бомбы?

Женька не ответил – ему страшно было это произносить вслух. Особенно на фоне того, как все шумно задышали, пытаясь преодолеть накативший ужас. Николай из последних сил пытался надеяться:

– Базука, скажи честно, что ты нас разыграл. Знал же, что сюда придем и решил все-таки устроить себе приключение. Скажи – и клянусь, буду ржать как последний раз в жизни.

Все с тем же вяжущим отчаяньем уставились на Бойкова, но вздрогнули – у него тоже губы посинели, как и у остальных. А это означало какой-то немыслимый парадокс: кто-то влез в запертую машину, взял оттуда рюкзак, воткнул в него бомбу и принес сюда. Именно сюда, куда они собирались забраться ночью!

Андрей присел на корточки и прислушался.

– Внутри тикает, – эти два слова раздавили всех, но он бессердечно продолжил: – Тихо, но точно тикает.

– Бежим? – запищала Вера.

– А если бахнет завтра? – опомнился Женька. – Мы понятия не имеем, на какое время стоит таймер. Утром здесь будет куча народа. Но они – кто бы они ни были – не могли знать, что мы придем именно в это время. Мы вошли раньше, чем собирались! То есть...

Очнулся от заторможенности и Базука, подхватив за ним предложение:

– То есть таймер должен сработать утром или чуть позже. Так, все к двери! Андрэ, дуй к окну и распахивай. Я вышвырну его во двор, пусть там бахает.

Это был рискованный, но самый лучший вариант. Сейчас уже все разошлись, на улице с этой стороны университета никого не должно быть, да и тянуть дальше было еще рискованнее. Вера, Ник и Женька побежали к выходу, Андрей дрожащей рукой дернул ручку и распахнул створку пластикового окна. Сопроводил взглядом летящий мимо рюкзак и сразу же захлопнул. Они с Базукой одновременно рухнули на пол, зажимая руками уши.

Но когда и через две минуты не раздалось взрыва, немного расслабились, посмотрели друг на друга, а Женька из-за двери позвал:

– Уходим отсюда. Там решим, что делать. И будем надеяться, что до взрыва успеем решить хоть что-нибудь.

Мимо вахтера они шли в той же очередности, а болтливый старик их радостно провожал:

– Проиграл, что ли? Чего лицо такое? Эй, Вер, ты из-за шахмат так расстроилась? Да что с вами, ребята? Бойков, а с тобой что? Вот ты меня реально сейчас пугаешь – ну-ка сделай рожу злобно ухмыляющейся, как обычно!

– До свидания, Виталий Миронович, – с трудом прошептал Захар, окончательно потопив бедного вахтера в болоте удивления.

Они потоптались немного на улице. Геройствовать очень не хотелось, как-то сразу пришло в голову прилечь спать прямо здесь и больше никогда не геройствовать. Но кому-то пред-

стояло сказать правду – и на это отважилась Вера, помня, что она здесь назначена защитницей добра:

– Не взорвалось. И таймер может стоять на утро, когда там будут студенты. Мы не можем оставить рюкзак под окнами института. Вызовем саперов?

Базука скривился:

– Рюкзак мой. Я потом не отмажусь, от такой херни никакие связи отца не помогут. Теперь хотя бы понятно, почему мой – по крайней мере, мне в полицию звонить хочется в последнюю очередь. Хотя вы все можете сказать, что я заслужил.

– Не скажем! – твердо резюмировал Женька. Базука с настоящей благодарностью улыбнулся ему, и так бы продолжал улыбаться, если бы тот не продолжил мысль: – Ты вряд ли отличишь зажигательную смесь от воспламеняющейся. Куда тебе самодельное взрывное устройство самому собрать? Потому именно эту статью ты не заслужил. Но унести рюкзак отсюда надо.

Вере пришлось принимать самые трудные решения:

– Надо. Притом рисковать всем ни к чему, кто-то один это сделает. Тянем жребий? Подождите, я в телефоне запущу генератор случайных чисел. Я – номер один. Андрей – два... – она искала в интернете нужную программу, называя каждого присутствующего по часовой стрелке от себя.

– До чего техника дошла, – Ник ее не слушал. – Интернет решает, кому умирать.

Генератор его услышал и именно его пятым номером отправил идти за рюкзаком. Ник, конечно, боялся и был раздавлен, но трусить себе запретил – все же осталось в нем то самое светлое и чистое, взращённое детскими комиксами и не дающее в такой ответственный момент потерять лицо. Сказал только дрожащим голосом:

– Обнимете хоть напоследок? Вер, давай ты. Остальным руки пожму.

Но капитан отрезала:

– Нет, никаких прощаний! И не придумывай ерунды. Берешь и несешь в ту сторону, – она указала направление. – Там через квартал небольшая роща. Если утром рванет, то жертв быть не должно, по зарослям люди не лазят. А мы ждем тебя возле машины. Вот тогда и обнимем.

Это был жесткий, но правильный настрой. Никому нельзя было сейчас расклеиваться. Ник почти бегом зашагал за рюкзаком, остальные потекли к машине в полном молчании. Тишина давила сильнее переживаний, и через три минуты Базука не выдержал:

– Никто не курит? Я бы сейчас начал, хотя в седьмом классе бросил. Хотя кого я спрашиваю? Из вас всех только рыжий и подавал какие-то надежды на приятную компанию.

– Прекрати немедленно! – Вера развернулась к нему, готовая залепить пощечину, если не заткнется. – Прекрати! Не смей говорить о моем близком друге в прошедшем времени!

Но Захару и самому было несладко, он просто пытался отвлечься сам и отвлечь остальных:

– Что, Вер, уже не нравлюсь?

– Не нравишься, – без тени сомнений ответила она и ничуть не покривила душой. – Прошло затмение, сейчас я это четко вижу.

– Какая ты легкомысленная, оказывается... – следующая попытка Базуки пошутить ничем не увенчалась, поскольку он глянул поверх головы девушки и изменился в лице: – Что-то наш смертник вернулся слишком быстро.

К ним действительно шел Николай и нес рюкзак. Еще не дойдя, начал ругаться на всю улицу:

– Замок был приоткрыт, я заглянул! Это не провода, а наушники! – он вытянул из открытой сумки за черный шнур гарнитуру. – Ну я и заглянул дальше! Помятая тетрадь, пачка презервативов и... о боже, что же у нас такое тикало? – он показал всем большие наручные часы с кожаным ремешком.

– О, а я их почти не ношу! – вспомнил Базука. – Отец давно подарил, и они в сумке без дела болтаются.

– Придурок! – завопил на него Ник так громко, что сигнализация в машине позади включилась. – Придурок ты мерзкий! Знаешь, что я пережил?! Да у меня башка взорвалась, когда я наушники разглядел!

– А я-то здесь при чем? – уже улыбаясь от уха до уха, закономерно парировал Базука. – Я, кажется, немного в штаны наделал, когда рюкзак в окно выкидывал.

И возмущение, и облегчение были общими – и потому друзья начали нервно ржать, вспоминая вслух, как перепугались. И хлопать по спине Ника, чтобы быстрее пришел в себя и успокоился. И рюкзак на всякий случай вытрясли прямо на асфальт, уххатываясь то над ручкой, то над мятым листком.

Смеяться-то они смеялись, пока Андрей сквозь слезы не напомним:

– Но это не отменяет факта, что кто-то рюкзак взял и туда принес. Машина-то закрыта, на сигналке весь день стояла, то есть разыграл нас какой-то профи. Кто? С какой целью? Ну, кроме той, что у Захара определенно начались бы проблемы за такой розыгрыш, не обнаружь мы рюкзак сами.

На это не нашлось ни единой версии, хотя среди них вроде скопилась достаточная концентрация умников. Но даже самому крутому гению некоторые орехи не по зубам.

Глава 3. Натянуть прогноз на глобус

Целый день Базука доставал Веру на предмет исчезнувшей симпатии. Не поленился и в тот момент, когда они втроем ждали на крыльце Женьку и Николая, задержавшихся в библиотеке.

– Что, реально перестал нравиться? – он открыто смеялся над ее смущением. – Вот прямо сразу? После одной фразы, подобные которой из меня постоянно вырываются?

– Отстань, Захар, честное слово – надоел, – бурчала она и постоянно оглядывалась на дверь университета в ожидании своих друзей, которые запропастились в библиотеке.

– Андрэ, отойди на пару шагов, мне очень надо, – попросил Базука.

Короленко до его причуд не было никакого дела – он его даже не слушал. Но среагировал, когда Вера попросила:

– И правда, Андрей, отойди, пожалуйста, ненадолго. Мне ведь и самой нужно в этом разобраться.

Тот пожал плечами и спустился вниз по лестнице, после чего Вера уставилась на самого неприятного и в то же время самого для нее волнующего члена их команды. Посмотрела внимательно, прищурилась и задумчиво констатировала:

– А, знаешь, действительно отпускает... Вот вижу тебя – ты симпатичный, харизматичный, чего уж отрицать. В кризисные моменты ты один стоишь всех нас вместе взятых. Отсюда то это помутнение и взялось – реакция психики на череду стрессов.

– Помутнение? – Базука усмехнулся.

– Ну да. Потому что сейчас, когда вокруг ничего не бабахает и нас не пытается убить банда наркоторговцев, в тебе сразу становится ничего особенного. Я год была влюблена в Андрея – вот там действительно и сердце трепетало, и в голове невольно совместное будущее вырисовывалось. А как про совместное будущее с тобой подумаю, так аж содрогаюсь.

– При чем тут будущее? – он реально не понимал ход женских мыслей. – Какая разница, что будет потом, если прямо сейчас ты точно не содрогается.

– Так я же не могу тебе врать, – Вера улыбнулась увереннее. Оглянулась на Короленко, чтобы убедиться – тот в самом деле стоит достаточно далеко. – Уф, самой даже легче задышалось!

Но Базука искал другие объяснения:

– Или ты наконец-то освоилась, научилась справляться с влиянием. Это неплохо – потом остальных научишь.

Но Вера знала, что в данном случае роль сыграл не магический прорыв. Просто адреналиновое похмелье начало отпускать, сменилось привычным разумным подходом к жизни. Нет, Бойков ей все еще казался привлекательным, даже слишком, но это чувство теперь наблюдалось словно со стороны – невинная скромная девчонка, которая ввинтилась в водоворот событий, свой первый поцелуй пережила с вот таким представителем мужского пола – не худшим представителем, если рассматривать только физиологию. Так и что должна была ощущать невинная скромная девчонка после такой эмоциональной атаки?

Однако сейчас была ее очередь заинтересоваться:

– Слушай, Захар, ты как будто расстроился.

– Да нет, – он скривился. – Мне твои розовые сопли без надобности. Но настроение поднималось, когда ты мне чесала самолюбие своими слащавыми признаниями. Теперь даже не знаю, об кого еще почесаться. А мое настроение – это такая штука, от которой зависит настроение всех окружающих...

– Что и требовалось доказать, – она поставила последнюю точку. – Как был гадом, так им и помрешь. Зато мы с тобой вполне можем общаться без подоплеки.

– Да на хрен ты мне сдалась – с тобой общаться, – Базука, как обычно, напоследок ошарашил дипломатичностью и пошагал к Короленко.

Вера вздохнула. А вообще-то жаль, что он такой, ведь все еще продолжает нравиться, хоть и в разумных пределах. Вот бы можно было переделать человека – взять то же мясо и набор костей, но пересобрать иначе. Эта странная мысль, как она кровавым ножом пересобирает Базуку, а потом делает его в точности таким же, Веру не успела напугать – просто наконец-то пришли ее друзья.

– Я на работу сейчас, – Андрей спешил попрощаться. – Звоните, если что. Захар, мы с тобой вечером увидимся.

– Да, дорогой, буду ждать тебя в фартуке и с ужином наперевес, – скривился Базука. – Сегодня пятница. Может, хоть в клуб сгоняем?

– Гоняй, – разрешил ему сожитель. – А я лучше выплюсь.

– Ну тогда я тоже лучше выплюсь, – смирился Бойков. – Без тебя в клубе меня до смерти заговорят.

Это на самом деле было забавно: что эти двое каким-то образом уживаются в одной квартире. И вроде бы обходятся без взаимного мордобития. Наверное, спасаются тем, что почти не разговаривают.

– А мы ко мне, – ответил за всех шахматистов Женька. – Курсовую будем писать.

– Вы и курсовые втроем пишете?! – ужаснулся Захар. – Темы же разные!

– Темы разные, а структура одна! – вмешался Ник. – Хотя откуда тебе знать о структуре курсовой, выпускник?

Но Базука уже сделал все выводы:

– Я с вас фигею, реально. На дворе пятничная весна, а вы думаете о структуре курсовых на три темы. Народ, вы вообще втыкаете, насколько вы извращенцы?

До этого они еще хотели попросить, чтобы подвез на машине до дома, но после сразу передумали. Лучше прогуляться, чем продолжать слушать его издевательства. Там и распрощались.

Но за курсовую уселся только Женька – накидывать план введения на всех. Ник дожевывал остатки обеда из холодильника, а Вера ходила по комнате и всем напоминала, что она командир разношерстной сборной:

– Нам надо все проанализировать! Ответы к тестам, похоже, спер Иванов с третьего курса – ему грозит отчисление, если снова завалит. Но черт с ними, с тестами. Кто переложил рюкзак и зачем?

– Актуальность выбранной темы... – раздалось со стороны компьютера.

– Хрум-хрум-хрум, – вторило ему с другой стороны.

Вера выслушала все аргументы и обобщила:

– Есть объяснение, и оно очень простое. Базуку многие не любят – кто-то над ним подшутил. Просто так, в качестве мести за что-нибудь. В универе девять из десяти ребят его ненавидят. Остальные уважают, боятся, выслуживаются перед ним и все равно недолюбливают.

– А как тот человек узнал, что мы будем на кафедре? – дожевывая котлету, Николай подтвердил, что все-таки ее слушает.

– Да никак не узнал. Притащил рюкзак на кафедру, и все. А на следующий день Бойкова бы снова таскали к директору и администрации, чтобы объяснял, зачем он это устроил и перепугал людей торчащими проводами. Полицию, возможно, вызвали бы, такие шутки даром не проходят. Это просто совпадение, что мы вечером оказались именно там. Как вам вариант? Всё клеится?

– Клеится, – оторвался и Женька от актуальности темы. – Кроме того, что я перестал верить в совпадения. Но надеюсь, что ты права.

В этот момент в дверь постучали – тихо так, странно постучали. Вера, как единственная стоявшая на ногах, пошла открывать – она давно уже чувствовала себя в этой квартире как у себя дома, хотя в глазок взглянуть не постеснялась. За порогом стоял маленький мальчик с медвежонком в руках и, по всей видимости, до этого именно игрушкой и колотил дверь.

– А Саша выйдет погулять? – спросил ребенок беззаботно, когда перед ним предстала тетя, а за ее спиной знакомый сосед.

– Саша этажом выше живет, – ответил ему Женька из-за плеча Веры. – Ты опять перепутал, Миш.

– А, точно, – малыш хлопнул себя по лбу медвежонком и побежал к лестнице.

Вера с улыбкой умиления закрыла дверь. Перед домом целая толпа детворы собирается из многоэтажек, а мамы сидят по периметру и стерегут черберами, чтобы не выбегали на дорогу. Женька тоже развернулся, тут же забыв о ребенке, но замер от вида Ника. Тот с трудом проглотил то, что недавно жевал, и как-то странно округлил глаза.

Сейчас Вере в нем нравилось все – даже как кривляется. Но и она застыла в ожидании объяснения. И Ник выдавил загробным голосом, от которого сразу стало немного жутковато:

– Перескажи-ка, Вер, свой занудный вчерашний сон, будь добра... Что там было про стучащегося в дверь медведя?

– Какой еще сон? – она начала и осеклась, вдруг тоже покрываясь мурашками и пялясь на дверь. – Бурый медведь... беззлобный и по ошибке пришел... Ребят, вы же понимаете, что это совпадение?

– Понимаем, – тихо ответил ей за обоих Женька. – Если бы мы все еще верили в совпадения. И пока мы это понимаем – расскажи-ка нам, а сегодня что тебе приснилось?

Вера добралась до дивана и упала на него без сил. Ей стало нехорошо – если появится хоть какое-то подтверждение, то больше ей капитаном не быть. И такая суперсила – это вообще ерунда какая-то, особенно когда во сне показывается все не так, как точно произойдет, а лишь намеками.

– Так, сейчас, – она сосредоточенно терла виски. – Да я даже вспомнить толком не могу!

– Попытайся, – надавил Ник, присаживаясь перед ней на корточки.

Ее снова повело навязанной влюбленностью, зато Вера отвлеклась и немного ослабила внутренний нажим. После чего и припомнить стало проще:

– Вроде бы... Вроде бы что-то про машину...

– Как у Базуки? – торопил ее Николай.

– Нет, – Вера была почти уверена. – Красная машина. А в ней сова – пучеглазая такая, пялится жутко. Да, Базука там тоже был! Но он мне в последнее время иногда снится – к счастью, все реже и реже.

– Чушь какая-то, – расстроился следователь и встал. – Просто сон. Базука хоть голый был? А то в твоём сне вообще никакого толка нет.

– Или не чушь, – протянул Женька, сложив на груди руки. – Видите ли, я бы не вспомнил, что мне сегодня снилось, даже если бы от этого зависела моя жизнь. А ты, Ник? Что тебе сегодня снилось? Тоже смазлось через две минуты после пробуждения? Люди не запоминают такое, особенно бред без эмоций. Или Базука там был все-таки голый?

– Да одетый он был! – разозлилась Вера. – Ты намекаешь, что это мой новый дар? Видеть какой-то абсурд, который не расшифруешь, пока он не сбудется?

– Не будем исключать такой возможности, Вер. Теперь я опасуюсь, что и сам все еще заражен.

– Да брось ты уже. Идем актуальность для трех тем выдумывать! – переключила Вера всех на задачу, над решением которой они хотя бы были властны.

Но сама она постоянно возвращалась мысленно к происшествию. Ей тоже хотелось побыстрее узнать ответ: да или нет, одаренная или бездарная, злые духи или порядочность во всем, капитан команды или снова отдавать вымпел Женьке.

И потому она решила позвонить, когда парни уже провожали ее вечером домой:

– Захар, это я. Ты где сейчас?

– Что, уже снова в воздухе переобулась и перевлюбилась? Я за тобой не успеваю.

– Я не о том! Ты с Андреем?

– Нет, решил все-таки сгонять до бара. У меня после знакомства с вами личная жизнь в тугой узел свернулась. Прикинь, я даже на такси еду, чтобы потом за руль выпившим не садиться. О, ваше чистоплюйство заразно? Чего тебе надо-то, если вкратце?

– А, ну хорошо... – Вера и не знала, о чем еще спросить. – В смысле, приятного тебе вечера! А у тебя сегодня, совершенно случайно, вокруг красных машин не было?

– Были, Вер, были, – тяжелым голосом признался он.

– Что?! Красная машина с совой?! – Вера задохнулась.

– С чем, прости?

– Птица такая! Глаза огромные, и пялится на тебя!

– Нет, такого не было. Просто красные машины. Вон одна на перекрестке сейчас проезжает. Представляешь, красных машин ровно столько же, сколько обычно. Сам сижу в желтой, с шашечками, честно-честно. Химик там рядом? Дай лучше ему трубку – я ему сообщу, что тебе надо проверить голову. Вам всем по очереди надо, но сегодня ты победила. Может, подъезжай тоже в бар? Проведу тебе диагностику по знакомству.

– Да ну тебя, я уже почти дома. Ладно, завтра на складе увидимся.

– Ну, как скажешь...

Базука посмеялся и отбросил телефон. До клуба оставалось два квартала. Там он посидел совсем немного – бармен все же начал ему выливать интимные и неинтересные подробности о себе, потому Захар решил вернуться домой. Все равно скука смертная. Но после звонка Веры радар все-таки подключил – невольно, конечно, просто на рефлексках. Два квартала до клуба за ними действительно ехала какая-то красная тачка. И в этом не было ничего примечательного, но когда он возвращался в свою квартиру – уже на другом такси – где-то на повороте сзади снова мелькнуло тем же цветом. И той же маркой, что уже наводило на определенные мысли.

– Андрюха, спишь? – он гаркнул, едва только вошел в квартиру. – Просыпайся, мил друг. Кажется, за мной следят.

– Да кому ты сдался? – сонно пробурчал тот, выходя из спальни.

– Много кому. – Базука, не зажигая света, подошел к окну. – Да хотя бы бывшим сотрудником Марата. Они в разные стороны разошлись, но почему бы не напакостить нам обоим напоследок? Или не напакостить – договориться о чем-то. Вон он в машине и сидит, думает, о чем же с Базукой и Королем-младшим выгоднее договариваться... Может, Аристоша? У того единственного там мозги водились.

– Ты уверен, что они за нами следят? – Андрей тоже выглянул во двор, где с краю без лишней претенциозности было припарковано красное авто. – В принципе, это вероятно. Мы вообще расслабились. А они ведь на самом деле могут хотеть нас с тобой достать. Номера видел?

– Нет. Возьми бинокль там на полке... Прямо за тобой.

Андрей сразу же нащупал нужное, только протянув руку.

– А на кой хрен тебе бинокль?

– За телками наблюдать, когда совсем скучно.

– И когда я уже устану удивляться? – Короленко вздохнул и посмотрел вниз через бинокль, сразу же оповещая: – Номера замазаны. Внутри вроде один мужик сидит. Смотрит на наши окна... Блин, как он глаза-то пучит, не вывалились бы. Прямо как...

– Гребаная сова? – закончил за него Базука. – Дай гляну – может, на рожу узнаю.

Но водитель уловил, что его засекли: он сразу же отпрянул назад, а через пару секунд машина сорвалась с места. Парни переглянулись – теперь точно ясно, что следили именно за ними. Но утешало, что человек был один. Банда Марата, если бы уже заново объединилась, смогла бы выцепить Базуку еще до возвращения в квартиру. Видимо, все-таки сначала хотят о чем-то поговорить. Но на кой черт следить, если все нарушители их жизненных планов, не прячась, каждые выходные бывают на бандитском складе?

– Ты кому звонишь? – Андрей обернулся и увидел, как Захар прикладывает телефон к уху.

– Вере.

– Ты время видел?

– Ты время видел?! – сразу же завопила Вера, как только приняла вызов.

Базука тихо рассмеялся:

– Теперь знаю, что союзы заключаются на небесах. Вы же как долбанное эхо друг друга, – задумался и фальшиво завыл: – Вы э-эхо, вы э-эхо, вы до-олгое эхо...

– Захар! – вернула девушка его в себя криком. – Ты решил посреди ночи мне песни петь?

– А, нет, конечно, – он снова заговорил серьезно. – А почему мне никто не сообщил, что у тебя открылась новая магия? Что это – предвидение?

Несколько секунд тишины, а потом судорожное:

– Ты... ты видел? Сову в машине?..

– Вообще нет. Но через какие-нибудь больные ассоциации – вполне, – признал Захар. – От тебя сейчас требуется только один ответ – я до конца недели доживу?

– Понятия не имею!

– А до лета?

– Да я не знаю!

– Оптимистично. Ладно, пока.

– Захар, подожди, что слу...

Он не стал дослушивать и, закатив глаза, объяснил Андрею:

– Прилипла ко мне, дурочка влюбленная, хрен отдерешь. Покедова, я спать.

К сожалению, Короленко был не слабой девушкой и находился прямо тут, да еще и боксом когда-то занимался. Потому ему все-таки пришлось на вопросы ответить, хотя Базука и сам толком ничего не понимал. Обескуражил только кратким пересказом.

* * *

В конкурсе по обескураженности победил Женька – он всю субботу орал на товарищей, как будто они были виноваты:

– А у меня что?! У меня опять какая-нибудь хрень, которую вообще не распознаешь? Нет, Ник, даже не смей на меня смотреть! Ты мне в прошлый раз чуть руку не сломал своими проверками!

Собрались они у Базуки, на склад теперь ехать никому не хотелось. И там, разумеется, сразу перешли к перемалыванию полученной информации.

– Почему ты не допускаешь мысль, что у тебя ничего нет? – в который раз пыталась успокоить его Вера.

– А ты вообще иди спать! – рявкнул на нее он. – Я теперь главный, пока не доказано обратное! Потому иди спать – и затем ответь мне на вопрос: есть во мне зло или нет?

– Заодно сообщи, сколько бывших шестерок Марата объединились и чего они хотят, – вставил свою просьбу и Базука. – Ну хоть что-нибудь предскажи.

– После пятницы наступит суббота, а после весны – лето! – злобно спрогнозировала Вера.

Даже Андрей от нее не отставал:

– Вер, ну вообще же не факт, что лето наступит для всех нас. Мы их главаря убили! Ты точно не хочешь вздремнуть?

Базука, конечно же, припомнил:

– Почему он каждый раз объединяет нас в одно целое? Ты, убил, Андрейка, ты. Я так маратовской шушере и скажу, когда меня все-таки поймают. И давайте уже потише болтать, а то Спящая Некрасавица вообще не вырубится. Че ты на меня так смотришь, как будто все еще влюбленная? Да пошутил я, пошутил, ты тут после меня и Андрюхи самая красивая, хотя и химик без очков не совсем урод... иди уже спи, почетное четвертое место! Рыжий, вылезай из холодильника, тебя туда не приглашали!

Вера только головой качала. По всеобщему мнению, она теперь обязана дрыхнуть дни напролет – и просыпаться только для того, чтобы выдавать какую-нибудь суперполезную дичь. Вот сегодня ей, например, ничего не приснилось – вернее, ничего из того, что она смогла вспомнить. То есть способность эта включается далеко не всегда. Но друзья – или правильнее их теперь называть параноиками и дешифровщиками тайных знаков – обвинили ее в том, что недостаточно старалась: то ли подушку не той стороной повернула, то ли проснулась на пять минут раньше положенного.

Увещевания, что этот дар не дает ровным счетом никаких надежных подсказок, со временем сработали. Действительно, сложно себе вообразить силу более нелепую, чем та, которая показывает результат только постфактум. Базуку могли три раза пристрелить, восемь раз до смерти запинать, но только пучеглазый водитель свел предсказание с реальностью, не оставив ни единой наводки, что делать и кто виноват.

Глава 4. На дне

Понедельник начался с ритуала, зарожденного всего три дня назад, но уже ставшего незбылемым – Веру спрашивали о сновидениях.

– Да опять ничего особенного! – она начала с тоже традиционного бурчания.

– Но ты это «ничего» помнишь? – прищурился Женька. – Тогда рассказывай.

– Ты приснился. Ничего не делал, ничего не говорил, выглядел как сейчас – в этих же брюках и этой же рубашке. Хотя погоди... – она сосредоточенно нахмурилась. – Не в этой же. Рубашка была зеленая, а не синяя.

Николай рассмеялся:

– Вер, так у него три рубашки, которые он постоянно меняет: синяя, зеленая, синяя, зеленая, а в пятницу – белая. Так универ, собственно, и узнает, когда пора расходиться по домам. Он завтра по своему расписанию в зеленой придет! Ты предсказала то, что тебе любой здесь предскажет.

И Женька тоже был немного разочарован:

– И все? Видимо, что-то про завтрашний день. Что я говорил? Где стоял?

– Больше ничего, – подумав, твердо ответила Вера. – Вообще.

– Этого не может быть! – Женька не сдавался. – В предсказании должна быть хоть какая-то дельная подсказка, как цвет машины, например. Не может же быть подсказкой то, что ты увидишь меня завтра?

Но Вера не была согласна:

– С чего вы придумали, что в каждом моем сне будет важный смысл? Какой смысл заключался в игрушечном медвежонке? Тот сон не предупредил нас ни о какой опасности и ничего не дал, он просто сбился с искажениями и поперек здравому смыслу.

Друзья вынуждены были остановить споры, чтобы не раздражать недоделанную прорицательницу сильнее. Хотя Женька подумал о том, что и в первом сне был важный смысл: ведь именно после него они узнали о ее способности. Что произошло значимее за последнюю неделю? А после реализации второго сна они выяснили, что банда Марата зачем-то следит за Базукой. Пусть и опосля, но хоть какое-то ничтожное новое знание они получали – значит, должны получить и из завтрашней рубашки, как бы бессмысленно это сейчас ни звучало.

После второй пары они встретились с Андреем и Захаром на пяточке третьего этажа – для того же самого допроса и того же ответа, над которым теперь посмеялись еще двое. Но Баука быстро отвлекся на свое:

– Эх, последняя неделка – и свобода!

– В каком смысле? – заинтересовался Ник.

Ей ответил Андрей:

– Назвать преддипломную практику свободой может только Захар Максимович, право слово. Но он имел в виду, что наши пары заканчиваются, весь наш курс рассосется по производствам.

Это Веру немного испугало – все-таки спокойнее знать, что в случае чего на общий сбор уйдет пара минут.

– Вы и в институт приходить не будете? – ужаснулась она.

– Гляди-ка, она уже по мне скучает, – погладил себя неизлечимый идиот по груди. – Будем. Но еще реже, чем обычно. Раз в неделю в лучшем случае. Но для начала же надо еще определиться, где ту самую практику проходить.

– Все уже в сентябре определились, – Короленко просто не мог выносить такого халатного отношения к образованию. – Кроме тебя. Ты и диплом купишь, как покупал до сих пор все курсовые?

– Ну да, найму кого-нибудь, – тот и не думал отрицать, хотя начал с интересом рассматривать всех по очереди. – У меня даже есть кандидатуры. Три второкурсника смогут потянуть диплом одного неподъемного выпускника? Натурой оплату возьмете?

Шахматисты обещали подумать и поплелись на третью пару. В аудитории Ника сразу оттащили девчонки и облепили со всех сторон, не позволяя продохнуть, но к такой ситуации все давно привыкли. Вот одноклассники мужского пола недоумевали недельку-другую, потом хором рыжего ненавидели, а потом гуськом поодиночке потянулись к нему с расспросами, в каком зале качается и чем вообще занимается, что так сильно изменился. Ник с серьезной рожей врал о своих спортивных достижениях, хотя на самом деле он внешне-то почти и не похорошел. Но получил лишнее подтверждение древней мысли: люди видят только то, что хотят видеть, а если чего-то не видят, то придумают и поверят. Вот так, ничуть не подкачавшись, он стал секс-символом даже для тех, кто его силе не поддавался.

Когда шли после пар на выход, жаловался:

– Эх, как же надоела эта фальшивая страсть. Зря я с Надей не продолжил отношения. Ведь она меня до этого всего разглядела, снизошла. Правда, она меня и не слишком ценила, но хоть в той низкой оценке была искренна...

– Это она с тобой не продолжила отношения, – напомнила Вера. – А почему ее на третьей паре не было? Она ж староста, обычно не пропускает.

К ним наперерез шли Захар с Андреем, которые на сегодня тоже закончили. Впятером можно посидеть в кафе и заново подумать о том, что делать с бандитами и стоит ли от них вообще прятаться. Николай сразу же продолжил предыдущую тему, так ему хотелось найти хоть какие-то способы повисить собственную важность:

– Базука, вот ты непредвзято скажи – мог я с Надей и дальше встречаться? В смысле, без суперсилы. Если уж она один раз смилостивилась, то с ней же был шанс?

– С голыми ягодичками? – вспомнил Бойков. – Нет, без вариантов, ты же ушлепок. Но я могу поинтересоваться, когда ее кувыркну. Обычно девочки становятся сговорчивее после хорошего кувырка. Андрюш, сегодня ночью во дворе на лавочке посидишь? У меня, кажись, свидание.

– Что?! – Ник от ярости залился краской. – Ты встречался с моей бывшей подружкой?! Это же против всех правил! Ты нарушил братский кодекс!

– Пока не нарушил, – утешил его бездушный гад. – Как раз собираюсь. У нее жопендель толстоват и сейчас мне вообще не до нее, но надо же тебя до полной тряски довести. Если не найду никого получше, то ею и отмечу свою последнюю учебную неделю.

– Не смей, козел! – орал на него Николай, как будто не понимал, что над ним просто издеваются. – У меня еще с Надей есть шанс на настоящую любовь, а не навязанную!

Они уже выходили в центральную дверь, когда позади раздались крики. Друзья застопорились, развернулись, как и весь студенческий поток, текущий в том же направлении. Где-то совсем далеко истошно орала какая-то женщина, потому людская волна потекла теперь в сторону шума, чтобы выяснить причину. Минут десять вообще ничего не было понятно – какая-то беготня, крики, потом рядом с Верой притормозила зеленая одноклассница и ненормальным шепотом произнесла:

– Тело нашли... В раздевалке за актовым залом. Кажется, это наша Надя... мне Матвей сказал... а наткнулся кто-то из театралки...

У Веры воздух застрял в горле и начал там больно расширяться. Впрочем, то же происходило и со всеми ее друзьями. Вдали кричали кураторы, чуть ближе и немного спокойнее отдавали распоряжения деканы.

– Вот теперь у тебя появился шанс... – очень неуместно выдавил Базука.

Николай – белый, как стена за ним – замахнулся на него, но тот и сам заткнулся. Кто-то из охраны прикрикнул и на них:

– Сейчас расходимся! Кого надо – вызовут в полицию для дачи показаний. Слухи не разносите, панику не сейте. После воровства в гардеробе несколько камер все-таки установили. Проверят записи, быстро вычислят ублюдка.

Но ноги не слушались, не хотели слушаться команд. Вся пятерка стояла потрясенная, ведь они только что обсуждали в шутку девчонку... которой больше нет. В университете! Разве убийства происходят в университете среди бела дня?!

– Это не я... не я... – Вера с трудом расслышала и не сразу поняла, что эту фразу, как заевшую присказку, повторяет Базука. – Блин, она мне очень нравилась! Вы же слышали, я сам говорил... это не я!

Она подалась к нему:

– Ты чего, Захар? С ума сошел? На тебя никто и не думает!

Но он посмотрел на нее сумасшедшими глазами и продолжил нести бред:

– Не я, Вер, честное слово! Я ее вообще там не видел... Подождите, она несколько месяцев назад в окно выпрыгнуть собиралась... Может, ее родители доконали, и девочка в петлю полезла?

Теперь рядом с ними остановился одноклассник Матвей, который трясся всем телом:

– Театралы говорят, что там крови полно... Кажется, ей горло перерезали... Вы можете представить?

– Она себе сама горло перерезала? – почти с надеждой спросил Базука.

Вера ударила его по губам.

– Прекрати немедленно! От твоего юмора сейчас тошнит!

– Да не юмору я... – он снова перевел взгляд на нее. – Это моя защитная реакция на стресс!

Она сразу сжалилась и захотела его обнять – как бы перекрыть недавний бессердечный удар:

– Ты так расстроился из-за смерти девочки, которую почти не знал?

– Да какое мне до нее дело? – опроверг он лучшие о себе предположения. – Просто камеры с коридора покажут меня. Я с пары сбежал и в каморке той отсиделся – хорошее тихое место. И никого больше я там не видел, ни единой души. Минут за десять до звонка оттуда ушел. Но это не я! Зачем мне вообще убивать именно ее, если бы даже приспичило кого-то прикончить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.